

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР — ПАЦАН ПО СРАВНЕНИЮ С ОПЕРОЙ

Иск. прав. - 1997. - 12 авг. - с. 3.

“Мы строили, строили и наконец построили!” — эти радостные Чебурашкины слова с полным основанием могут произнести сегодня художественный руководитель и главный режиссер Борис Покровский, главный дирижер и директор Лев Оссовский и вся труппа Московского государственного академического камерного музыкального театра. Потому что наконец-то театр получил новое здание — в самом центре Москвы на Никольской улице.

Здание на Никольской реконструировалось ни много ни мало — 17 лет. За эти годы много воды утекло. А еще больше — пены, особенно при тушении пожара, который шумел-горел в 1993 году, когда уже почти готовое здание вспыхнуло вместе с находящимся по соседству рестораном “Славянский базар”.

Лев Оссовский:

— Когда мы вошли в наш театр на следующий день после пожара, то, задрав головы, увидели мрачное декабрьское небо. Сгорело и было залито водой абсолютно все. Пришлось начинать с нуля.

Теперь первое, что мне бросилось в глаза, — красная коробочка на стене с кнопкой. На коробочке написано: “Пожар”. Если что — жми в кнопку со всех сил. Второго такого пожара ни театр, ни строивший его Минкульт не переживет.

Открытие театра, да еще построенного государством — дело нешуточное. Осматриваю “объект” придирчиво. Внешне — строгое белое здание с центральным входом в виде огромной арки. Перед зданием на коленях стоит человек. Неужто на искусство молится? Ан нет: красит стекла в темно-синий цвет, аккуратненько так — ровно до середины. Под цвет рам. Внутри сине-

белая концепция торжествует окончательно. Иду по шахматному полу (а-ля “Твин Пикс”), отражаясь в многочисленных круглых зеркалах, случайно задрав голову к потолку, вижу там все тот же пол: потолок тоже оказался зеркальным. И вот тут-то я чуть было не осталась в сине-белом зазеркалье навеки: рабочий, качаясь от стены к стене, под тяжестью гигантского листа ДСП на голове едва не налетает на разинувшего варежку корреспондента “МК”. Плхохаюсь на диван, чтобы прийти в себя: он, натурально, синий, состоящий как бы из множества соединенных кресел с высокими спинкам. “Вот так бы сидеть в антракте и попивать шампанское”, — думаю и догадываюсь, что архитектор Александр Великанов имел в виду то же: в двух шагах от дивана — буфетная стойка.

Но самое интересное — это, конечно, зал.

Лев Оссовский:

— Зал не очень большой, человек на 250. Но сделан он по современным стандартам: то, что называется “трансформирующееся пространство”. Вот видите, сейчас вариант, когда есть оркестровая яма. Достаточно большая, способная вместить полный состав оркестра. Есть вариант, когда яма исчезает. Если переместить вот эти панели, то сцена окажется в центре зала, а зрительские места — по краям. И это еще не все возможные варианты. Галерея по всему периметру зала, выкрашенного в черный цвет, может быть использована для размещения хора. Сейчас окна открыты, и зал залит ярким солнцем. Во время спектаклей окна закроют плотные черные шторы.

— А как здесь дела с акустикой?

— Вот этого мы пока оценить не

можем: как говорят врачи — вскрытие покажет. Узнаем только тогда, когда заиграет оркестр, запоют певцы.

Радостное событие совпало с 25-летним юбилеем театра, все эти годы ютившегося в маленьком подвале у метро “Сокол”. Сегодня в честь юбилея театру не только дали здание, но и присвоили звание академического. Имеется и еще одно важное обстоятельство, выходящее далеко за пределы масштаба хоть и академического, но все же камерного театра: ЮНЕСКО объявило нынешний год годом 400-летия оперы. Считается, что именно в 1597 во Флоренции был показан первый (партитура его дошла до нас)

оперный спектакль — “Эвридика” Якобо Перри. Камерный театр откроет сезон в своем новом доме 3 сентября оригинальным представлением “Нам — 400! Нам — 25”. Это будет что-то вроде попури по страницам оперной истории — от той самой “Эвридики” до опер XX века. И все же эйфория преждевременна. Денег у театра мало. Новое здание, скорее всего, станет не только местом демонстрации спектаклей, но средством зарабатывания средств — на новые постановки, декорации, костюмы. И осуждать за это театр нельзя — должна же опера просуществовать хотя бы еще 400 лет!

Екатерина КРЕТОВА.

“Опера” Бориса Покровского — простоят ли 400 лет?